

Миф

Мы продолжаем знакомить читателей с авторами журнала Бориса Стругацкого «Полдень XXI век» — издания, целиком посвященного отечественной фантастике — от научной до фэнтези. Сегодня вашему вниманию представляется рассказ Екатерины Некрасовой, который будет опубликован в одном из ближайших номеров «Полдня».

ЕКАТЕРИНА НЕКРАСОВА

ПРОЛОГ

...Шумело море.

Раскаленный песок обжигал босые ноги. Песок был мелкий, светлый-светлый, как небеленая холстина; весь остров был — песок и гранит. Персей, сын Зевса, крался, хромя и приплясывая на обожженных пальцах; под ногами прыгала и приплясывала куцая тень. Тяжелый меч болтался и бил по боку.

Дул ветер; тени облаков скользили по песку. Впервые ему пришло в голову, что ЕЕ, может быть, вовсе и нет сейчас здесь; тогда, возвращаясь, ОНА, конечно, увидит его сверху. И тогда...

...За гранитными глыбами. На песке. ОНА лежала на боку, поджав колени. Оно. Чудовище. Она...

Он стоял, глупо моргая. И смотрел.

Она спала. Обняв себя рукой за шею; сиреневые складки одежды трепетали на ветру, и из складок торчал голый поцарапанный локоть. Сначала он увидел этот локоть. И струющийся блеск сиреневого и полупрозрачного, под которым такой молочно-белой кажется кожа, и полуприкрытую легким краем ступню — такую чистую, такую детски нежную, с такой ненамозоленной розовой пяткой... Она ведь почти не ходит по земле.

И крылья — чудовищные, черные, перепончатые, как у летучей мыши, — просвеченные солнцем, бросали на ее лицо прозрачную, в прожилках тень. И тени от ресниц лежали на округлых детских щеках, и спали змеи-волосы — целый клубок черных и блестящих — но не так, как блестят волосы, а

другим, чешуйчато-рассыпчатым блеском, — в палец толстой змеек...

Ей было лет шесть.

В ночной тьме плескались волны. Толкались в борта; морской ветер разгонял дух гнилой рыбы, насквозь пропитавший просмоленные доски лодочки. Бликовала под веслом вода. На хребте моря качалась лодка — небесная пропасть вверху и водная — внизу... и только звезды, дети богини зари Эос, смотрели на тощего подростка в нечистой тунике, неумело гребущего стоя.

...И скажут: о Персей, тучегонителя Зевса сын любимый, победитель страшной горгоны Медузы; равных нет ему среди людей на Земле...

Болели плечи, и спина болела, и тяжелое весло все норвило уйти под лодку. Он не умел грести.

«Да не хочу я ее убивать», — сказал он деду нынче утром.

(Дед, Акрисий, царь Аргоса, в молодости, говорят, сваливал кулаком быка; но солнце дней его клонилось к закату, старость давно выбелила его голову и бороду, и плохо держали тощие, обросшие седым волосом ноги.

Внук стоял перед царем, сидящим в золоченом кресле. Смотрел в пол — на испятнанные солнцем пантеры шкуры, устилающие пол царской опочивальни, — облысели шкуры-то, стыд, нищета; на потертые царские сандалии — на правой подштопан оторвавшийся ремешок... Аргос беден, плохо родит

каменистая земля, и у царя Акрисия нет сына, что повел бы мужей в поход и вернулся с добычей... А в Микенах и в Тиринфе, и в Пилосе, и в Орхомене, и — кто знает — может, и в самих Афинах усмеваются в завитые бороды, стуча кубками за пиршественными столами: царь Акрисий стар и болен, а единственный наследник, внук Персей, ни на что не годен, даром что старик всем рассказывает, будто дочь его родила от самого Зевса, — видно, боится, что мальчишку удавят прежде срока...

«Я стар, — сказал дед, умоляюще глянув из-под седых клочковатых бровей. — Ум мой ослабел. Прости меня, сынок. Это я во всем виноват».

...А солнце дрожало на шкурах. И кричали чайки за окнами дворца.

Да чего уж там, подумал Персей. Конечно, наследник престола, щуплый и хилый, роняющий на ногу метательный диск, — разве это наследник? Обнаженные юноши борются на песке гимназия — блестят мускулистые тела, натертые маслом; царь велел внуку не ходить в гимназий — не смешить людей.

Малорослый. Худой. Кривоногий. Еще и рыжий. Боги слепили Персея небрежно — красотой, силой и грацией обделив; все его стрелы летят мимо, щит не поспекает отразить удары — и наставники берутся за головы; а уж меч... Все лицо Персея в прыщах — просто живого места нет, и не помогают мази дворцовых лекарей; на Персея не смотрят девы, — а юноши смотрят презрительно и приподнимают брови...]

Весло снова нырнуло под днище — и лодка едва не перевернулась; лопнула водяная мозоль. Персей шмыгнул носом.

[...Ты боялся, что меня убьют, дед, — хоть Аргос и беден, а желающих стать царями везде достаточно. Ты распустил слухи, что я — сын Зевса: будто бы сам Зевс, обернувшись золотым дождем, проник в подземные покои твоей дочери... Ты надеялся, что хоть гнев владыки богов и людей утешит, если уж мне не поднять твоего старого боевого копья.

Но Аргос мал, дед, и все здесь знают, что на твою единственную дочь не польстился бы не только Зевс, но и конюх.

...О Даная, царя Акрисия любимая дочь, — словно кипарис, высока и стройна ты; волоокая, лилейнорукая, пышнокудрая... одежды твои благоуханны, меду подобны сладостью речи твои. Прекрасны знатные девы, идущие в храм праздничным утром, — пышны и многоцветны их юбки, тонки их станы, округлы открытые груди; всех прекрасней ты, о Даная...

Певец перебирал струны звонкой кифары, и извиняло его только то, что он был слеп. Да еще то, что царь поил его и кормил — и затравил бы собаками, вздумай он вдруг начать петь правду.

...Не была она пышнокудрой. В сложную высокую прическу вплетала чужие срезанные пряди — а между своими, жиденькими, полосами просвечивала кожа на голове. И не была она высока и стройна, как кипарис, — и если уж сравнивать стан ее с чем-либо древовидным, то скорее согнулся бы пенек. Царская дочь распирала шнуровку платья, как бочка обручи, — зато грудь ее оказалась неожиданно маленькой и отвислой; две луны назад Персей встретился с матерью после разлуки. Деду все-таки удалось сбегать ее замуж — за царя острова Сериф Полидекта; плюгавый мужичонка с крашеной бородой и золотой серьгой в левом ухе, дурак Полидект, один, наверно, только и поверил в байку о Зевсе...

Две луны назад мать с мужем посетили крепостенный Аргос. Низенькая женщина с толстым красным лицом повела на Персея темными, навывкате глазами — звякнув золотыми подвесками, нехотя ткнулась губами, погладила по щеке толстыми, в кольцах, влажными пальцами: «Да благословят тебя боги, сын мой...»

И тем же вечером так упилась неразбавленным вином, что даже домашние рабы поразились — и долго еще шептались по углам, шарахаясь от звука шагов. Блистая и звякая драгоценностями, визгливо хохоча, Даная, царица Серифа, на четвереньках выползла из женских покоев в пиршественный зал — лбом налетела на треногу со светильником. Тренога опрокинулась, светильник упал, расплескав горящее масло, — чудом не начался пожар...]

Вода плеснула в лицо. Холодная. Горько-соленые капли на губах; Персей ладонью стер брызги со щеки. Шаткая опора — дно лодки; далеко внизу, на дне, где в песке тонут осколки амфор и кости, где странные слепые рыбы всплывают в пустые глазницы черепов, спит в золотых чертогах владыка морей Посейдон...

[...Погоди, дед. Ну да, конечно, ты спасал меня... Конечно. А теперь они пришли с кольями к воротам твоего дворца. Царь, кричали они, чудовище убивает нас... мы боимся выйти в поле, и наши поля дичают... нам не собрать урожая, нас ждет голод, царь!

...Царь, сказали выборные, которых ты допустил во дворец — не посмел не допустить. Царь, ты забираешь долю от нашего урожая и наших сыновей в войско, мы все служим тебе, — защити же нас, царь! Сколько раз ты твердил, что твой внук сын Зевса и великий воин — пусть он убьет чудовище!

...Да, ты попал в ловушку, дед. Ты был мудр — ты заключил в подземелье уродину-дочь и распустил слух о ее неслыхан-

ной красоте, надеясь хоть так приманить женихов; но она, твоя дочь, еще и глупа — и не утерпела, и родила от рыжего раба из далеких северных земель — говорят, тощего, невзрачного, нескладного... разве ты, мудрый, зная ее, приставил бы к ней красавца?

Раб. Это в него я родился рыжим — и весь Аргос смеется, ведь все знают, что великий Зевс, царь богов и людей, чернокудр и чернобород... Но ты мудр, царь Акрисий, ты и тут выкрутился — приказал зашить наглеца в кожаный мешок и ночью сбросить со скалы в море. А меня ты оставил себе. И оказался прав — у тебя ведь нет других внуков. Мать никого не родила своему мужу... говорят, он давно прогнал бы ее — если бы, дурак, не боялся гнева Зевса...

Слизнул горькие брызги с губ. Ночное море черно, как крылья Медузы. Как тень Медузы на раскаленных солнцем камнях — в слепящий полдень, когда сам воздух тяжел и густ, и разморенные люди не успевают даже поднять головы...

[...Зачем она, дед? Откуда она взялась?

...Помолчи, мальчик, пока молоко на губах не обсохло. Боги покарали нас. Мы были скупы на молитвы и скупы на жертвы, и сам я, грешник, весной пожалел для владыки морей Посейдона лучшего быка, — а велел резать плохонького бычишку, которого и коровы-то лягали... Мы прогневили богов, сынок, и они наслали на нас чудовище.]

И качается лодка, и нужно не упасть. Море велико, и берег далек, как рассвет.

[...А на голове ее вместо волос шипят и извиваются ядовитые змеи. На крыльях, как у летучей мыши, она летит над землей, и всякий, на кого она взглянет, превращается в камень. Она летит, люди же бегут от нее — и превращаются в мраморные статуи...

...Погоди, дед, я хочу понять. Зачем она убивает? Ведь она

не ест эти камни?

...Нет, не ест.

...Тогда зачем?

...Помолчи, мальчик. Не нам знать волю великих богов. Зачем налетают ветры? Зачем бьет трезубцем чернобородый Посейдон — и вздымаются волны, топя корабли? Зачем враги приходят, сжигая наши амбары и угоняя наш скот, — тогда улыбается Афина, богиня войны? Молчи, мальчик, молчи и слушай своего старого деда...]

Волна. Персей едва устоял на ногах.

[Я видел эту улыбку.

...Когда из заваленного соломой и обломками дерева сарая выскакивали кричащие люди — царское войско спугнуло пиратов, им не хватило совсем чуть-чуть времени — поджечь... Дед не хотел брать меня с собой, а ведь именно я обратил внимание на этот сарай...

...Когда кричали и стреляли вслед уходящему кораблю... и стоявший на корме пират падал, заваливался назад — темный силуэт на голубом небе, — а из спины у него торчала стрела... И полет темного тела, и всплеск — незаметный в волнах...

В твои годы я мечтал быть воином, говорил дед. Величайшим из великих; в кого ж ты у меня недоразумение-то такое?]

О Афина. Полумрак храма, пыль в узких, как лезвия мечей, солнечных лучах — из окошек под крышей; статуя в золотых одеждах — мне не дотянуться даже до ее колен... Говорят, у богини войны голубые глаза — как море под солнцем. Говорят...

[...Погоди, дед, дай мне сказать. Неужели убить почетнее, чем договориться? Ведь договориться трудней! Дед!

...Молчи, щенок! Это речь труса, достойная тебя... тебя, роняющего на ногу метательный диск! Тебя, бессильного даже взмахнуть мечом, которым я в твои годы уже рубился! Тебя, о позор моих седин! Боги, боги, жестокосердные боги, неужели вам мало того, что вы покарали меня таким потомством?!]

Вытер лоб.

[...Ты возьмешь рыбацью лодку, сказал дед. Ты возьмешь мой меч... донесешь меч-то? Гляди, и его на ногу не урони... На закат отсюда лежит островок, он невелик и пустынен; там есть пещера; ты проживешь в ней дня три. Возьми копченый окорок и хлеба, и мех с водой... да не вздумай, щенок, взять вина, а то еще перевернешься. Я тебя, бестолочь, знаю, тебя и трезвого-то отпускать страшно...]

Снова облизнул губы. Пошевелил лопатками — туника прилипла в поту.

[...Да не вздумай плыть днем, с тебя станется! Поплывешь нынче же ночью, по ночам она не летает. А из пещеры — не вздумай днем выходить! Сиди себе да жри окорок...

Рука на плече — старческая, дрожащая, с набухшими венами. Теплая, успокаивающая...

...Слушай меня, сынок. Я скажу им всем, что ты отправился на бой с чудовищем. А через три дня ты вернешься, и мы скажем... я придумаю, что сказать. Я отправлю послов к дельфийскому оракулу... нет, до Дельф далеко. Вот: я велю главному жрецу из храма Зевса сказать, что Зевс, твой отец, не велит тебе сражаться с посланным им чудовищем. Или, мол, страшные беды обрушатся на нашу землю. Пусть попробует не сказать, старый хрыч... он знает, что жреческое облачение не защитит от моего гнева. Он меня хорошо знает... тебя тогда еще не было, а... Впрочем, неважно. Он не слушается меня... он, говорю, не осмелится. А ты, вернувшись, объявишь народу, что Зевс

послал тебе в пути знамение. А потом я принесу в жертву Зевсу сто быков... молчи! Не твое дело... найду, где взять. И, быть может, Зевс простит нас и низвергнет чудовище в бездну Тартар, откуда оно явилось к нам на погибель. Слушай меня, сынок, ведь ты у меня один. Твой старый дед не даст тебя в обиду...

...Не горюй, сынок, это даже не трусость. На самом-то деле ее не победить никому из людей. Как можно победить врага, который только взглянет на тебя — и ты уже камень? Как победить крылатую тварь, стоя на земле? На восход от нас лежит другой островок, еще меньше и пустынее; там только камни. Говорят, она опускается туда ночевать. Но как узнать заранее, спит она или бодрствует?)

Блики на волнах. Похолодало, и ветер стал сильнее. Меркнут звезды.

Впервые я послушался тебя, дед. Я плыву, и небо впереди светлеет. Я плыву на восход.

...Он видел ссадину на ее локте. Темно-красную, уже крошащуюся корку. И розовую молодую кожу там, где корка сошла... Мама, а пусть у меня будет братик. Мама, а пусть сестричка. Мама, ну почему?!

...Солнце.

Девчонка заерзала, подтягивая колени. Ему захотелось погладить ее по голове — но вместо волос спали змеи. Кто же ее оставил здесь? Кто ее родители? Что она ест?

...И как ей скучно, наверно. И как интересно и весело гоняться за людьми — крошечными фигурками далеко внизу, на земле... и как смешно, когда они вдруг застывают на бегу.

Она ничего не понимает. Она просто играет... Она ИГРАЕТ так! Она же совсем маленькая. Кто ее бросил здесь?!

...Румяные щечки. Длинные ресницы. Еще ребячески пухлые пальчики... Если привезти сюда большую куклу, несколько дней крестьяне будут жить спокойно. Хотя — есть-то она должна? Если привезти сюда груш и яблок, и сладостей... Почему ей не объяснили, что люди умирают, превращаясь в камень?! Почему ее оставили здесь одну?!

...Если спрятаться в камнях... и позвать, когда она проснется... Если бы она закрыла глаза...

Она маленькая. Она не поймет. Она побежит посмотреть.

Она убивает.

«Неужели убить почетнее, чем договориться?»

...Запястье — будто перетянутое невидимой ниточкой. Я вернусь героем. Я привезу отрубленную голову чудовища, и взгляд мертвых глаз будет по-прежнему смертелен... я повешу ее себе на щит, и враги мои будут обращаться в камни. И никто больше не посмеет сказать, что я недостоин трона!

«Мама, а почему не сестричка?»

...И сама великая Афина признает меня своим любимцем. О Афина, богиня войны; нет улыбки прекраснее твоей, когда ты глядишь на горящие города... Я стану величайшим из героев, и содрогнется мир! Я привезу в цепях самых красивых девушек и на телегах — все золото Эллады... и никто больше не посмеет сказать, что я, Персей, не сын Зевса!

...Пятки. Маленькие розовые ноги, не знающие сандалий... Как она, должно быть, звонко смеется, когда люди разбегаются, едва завидев точку в небе. Когда уходят на дно лодки, опрокидываясь под тяжестью окаменевших рыбаков...

Надо спрятаться. Она проснется. Она только взглянет на меня...

А может быть, она делает это по своему желанию? И может НЕ ДЕЛАТЬ? Ведь хочется же ей, наверно, поиграть с кем-нибудь живым...

...Мурашки на голой руке — под прозрачной сиреневой тканью... А я загораживаю ее от ветра. Я еще чуть-чуть посижу...

Девчонка снова заерзала. Вскинулась одна из змей — на плоской головке блеснули глазки-бусины, в распахнувшейся черной пасти затрепетал раздвоенный язык. Змея зашипела — он отскочил, как сидел, на полусогнутых.

Девчонка вздрогнула и открыла глаза.

...Есть камень александрит, меняющий цвет. Днем — зеленоватый и прозрачный, с холодными сине-фиолетовыми отблесками; ночью, при свете огней — фиолетово-красный. Ее глаза темнели, наливаясь пурпурным; дрожащие блики в прозрачной глубине...

И это было последнее, что он увидел.

ЭПИЛОГ

...И вечер. Розовели отдели под закатом, и солнце отражалось в мокром песке. Море было как... как шелк. Как чешуя — голубая, бликующая. И как расплавленное золото — дорожка к солнечному диску. Небо на западе — румяно-сиреневое, на востоке — сиренево-голубое...

Ветер гонял по пустому пляжу целлофан с сигаретных пачек.

— Какая глупая сказка, — сказала дочь, глядя под ноги. Покосилась; нервно подергала себя за колючку в ноздре. Дочери было четырнадцать — самый возраст резать правду-матку в глаза. — Ты, пап, только не обижайся... Ты что, серьезно хочешь пытаться это опубликовать?

— Да нет, — пожал плечами писатель. — Хотя... Чем черт не шутит. Может быть.

Февраль—март 2003 года

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВАДИМА ЧЕЛАКА